

МАКАРЕНКО, КАКОГО МЫ НИКОГДА НЕ ЗНАЛИ, ИЛИ КУДА РЕФОРМИРОВАТЬ ШКОЛУ

Как Макаренко обманул «государственный образовательный стандарт»

Валентин КУМАРИН

Нынешняя школа, измочаленная «государственным образовательным стандартом», не имеет даже махонькой отдушины для собственно воспитания. Всё рабочее и «свободное» время детей сжирает неподъёмное, а потому бесполезное, отторгаемое обучение. У Макаренко, как многократно подчёркивалось, главным было другое: не «знания, навыки и умения», а характер, нравственность, привычки социально ценного поведения, профпредназначенность.

В 1930 году в коммуне был открыт рабфак. Коммунары получили доступ к «вершинам знаний». Макаренко был, разумеется, тоже доволен, но... «с некоторыми оговорками». Твёрдо стоя обеими ногами на принципе природосообразности, он понимал и видел, что до «вершин» может докарабкаться лишь *часть* коммунаров, наиболее способных и одарённых. Многим суждено остаться у «подножья», а кому-то в лучшем случае «светит» остановка посередине. Что предпринять, чтобы дети не ломались от непосильной ноши, оставались *открытыми* для «собственно воспитания» и чтобы в то же время ни у кого не возникло ощущение *неполноценности*?

Трудно предположить, что Макаренко не знал, как эту же задачу решали американцы. Материалов об их поиске, находках и опыте было великое множество. Книги Дьюи, Лая, Паркера и особенно монография Екатерины Янжул «Американская школа» (более десятка изданий!) были настольными. Но как бы там ни было, выход из положения, который нашёл Макаренко, очень напоминает тот, который нашли американцы. Те дали детям возможность выбора, право изучать предметы, которые соответствуют их врождённым способностям и в которых можно добиться успеха с прицелом на профпредназначенность. Макаренко сделал то же самое, но *нелегально* — иначе было смерти подобно. Он попросил учителей (школа при коммуне тоже подчинялась ему и он в ней вёл уроки истории, русского языка, черчения и рисования), чтобы те не очень «зверствовали», если видят, что ребёнок старается, но не тянет, и вместе с тем не скупилась на хорошие оценки по предметам, которыми дети занимаются без понукания, с удовольствием.

Чтобы убедиться, действительно ли ребёнок нашёл своё *призвание*, а не временно увлёкся, Макаренко развернул колоссальную систему «*клубной работы*». В неё входили кружки по названию школьных и нешкольных предметов, спортивные секции, художественная студия, театр и «*свободная мастерская*». В последней можно было заниматься чем угодно, вплоть до *repetuum mobile*, чтобы как можно раньше *проявить* способности и таланты. Руководили клубной работой платные специалисты. Оркестром (60 человек!) дирижировал композитор Левшаков, главным режиссёром театра был народный артист республики Крамов, а в «свободной мастерской» бушевала фантазия Терского, легендарного соратника Макаренко, мастера на все руки.

Кроме системы «клубной работы» в распоряжении коммунаров находился весь обучающий арсенал завода. Из цикла лекций «Проблемы школьного советского воспитания»: «В таком производстве, как производство ФЭДов, у нас и большой чертёжный цех, где работает несколько десятков чертёжников, и плановый отдел, и контрольный отдел, и большой инструментальный цех, коммерческий отдел, и поэтому каждый воспитанник мог иметь выход для своих *наклонностей*. Конструкторское бюро (конструкторы, чертёжники) *целиком* обслужи-

вались коммунарами. Значит, туда шли те, у кого к этой работе были *наклонности* и *способности*» (здесь и далее курсив мой. — В.К.)¹.

---

¹ Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1958. С. 201.

И всё это было не *приправой* к «государственному образовательному стандарту», а подавалось *вместо* него! Если кто-нибудь, несмотря на старания, не продвигался дальше арифметики, но ставил отличные капустастики, писал стихи, сочинял музыку или виртуозно работал за станком, с него не драли три шкуры из-за алгебры, а с лихвой восполняли пробел не менее ценными «компонентами образования» (представьте, как могла бы сложиться судьба Пушкина и его товарищей, если бы в Царскосельском лицее обучали по «государственному образовательному стандарту»!). Этот принцип выбора, спрятанный от ока наробразовцев, распространялся на каждого коммунара. И если клубный выбор подтверждался реальными делами, значит, это оно — её величество путёвка в достойную личную жизнь и *единственный* способ сделать богатой и культурной всю страну. В отличие от этой цели «всестороннее развитие личности», придуманное «научными философами» и подхваченное «научными психологами», всегда было и остаётся демагогической наживкой, на которую до сих пор клюют наивные простофили.

Опора на *врождённые* способности приносила коммуне невиданные педагогические «дивиденды». Из того же источника: «Недавно приезжал ко мне врач. Я помню, что он у нас работал шлифовальщиком на большом шлифовальном станке, где деталь доводится до последней степени точности, до сотой миллиметра. Он работал так. Ему мастер говорит:

— Пожалуйста, сними на сотую миллиметра, «на сотку».

Он устанавливает на станке деталь и, не производя никакой проверки, не работая никакими измерительными приборами, говорит:

— Пожалуйста, вот сотка.

Глаз, руки и станок у него были так сработаны, что он работал не проверяя. Чуткость его к станку была совершенна. Этот прекрасный шлифовальщик теперь врач, но в его философии и сейчас я чувствую страшное уважение к точности»².

---

² Там же. С. 202.

Успехи, которых Макаренко добился, обманув «государственный образовательный стандарт», превзошли самые смелые ожидания. За пять лет коммуна сделалась фирменным поставщиком не только рабочих с «золотыми руками», но буквально наводнила украинские вузы отменными абитуриентами. Из того же цикла: «Вы себе представить не можете, что это такое, когда совет командиров постановляет:

— Вот Ваня Волченко обладает большими музыкальными способностями — командировать его в консерваторию и выдавать дополнительно, до окончания консерватории 100 рублей в месяц (деньги брались из фонда совета командиров, в который коммунары отчисляли 10 процентов своего заработка. — В.К.).

И таких стипендиатов в коммуне имени Дзержинского несколько десятков. В тот год (1 июля 1935 г. — В.К.), когда я оставил коммуноу, до ста (!) человек получали стипендии»³.

---

³ Там же. С. 204.

Слышу, слышу я вашу иронию: так что же, хочешь работать по Макаренко, давай детям КАМАЗ или космодром? Вообще-то хуже бы не было. Сами видите, какие ребятки были в коммуне — блоху могли подковать. А нынешних трудящихся советская власть так развратила скрытой безработицей, выплачивая каждому бездельнику полную «зарплату», что ждать от них *конкурентоспособной* работы — что доить козла. И если бы легендарный Соломон Борисович был жив, он наверняка бы шумно возмутился: «В школе нельзя заработать на суп? Так то ж не педагоги, а лодыри и дураки. Вы знаете, что такое бонсай⁴? Комнатный японский сад! Он же целиком умещается на столовом подносе! А сколько от него в доме радости! Какой будет спрос? У вас есть коридоры? Так что вы теряете время? Выращивайте и торгуйте!»

Демагогия? Пустые слова? Григорий Максимович Кубраков, директор Мамлютской средней школы, выращивал тюльпаны в теплице, которую он разместил на крыше⁴. Рынок, господа! Рынок на дворе. Если шевелить мозгами и не стоять на вытяжку перед «государственным образовательным стандартом», обязательно что-нибудь найдётся, что-то более нужное, чем наркомания, проституция, воровство, драки, на что так богата наша противоестественная школа.

---

⁴ От японских: bon — горшок и sai — растение.

⁵ См.: Кубраков Г.М. По заветам Макаренко. М., 1987. С. 120.

Да вот он, живой-то пример. «Учительская газета» рассказала, а врать в таком случае она точно не будет: «Он появился в нашем купе с огромными тюками.

— Вот «свезло так свезло», — мысленно повторила я знаменитую фразу булгаковского Шарика.

..Растолкав кое-как свои тюки по всем углам купе, мужчина присел рядом. Снял очки, протёр их, и неожиданно для меня на лице его засияли добрые, смеющиеся глаза.

— Потеснил я вас немножко. Вы уж извините. Потерпите до Свердловска. (Тьфу ты, всё никак не могу выговорить новое название.) Вот набрал для детишек пряжи. Расцветки — залюбуешься! Хорошие костюмчики получатся.

— А сколько детишек у вас? — спросила я.

— Да почти двести, — услышала в ответ. — Вся школа.

Выяснилось, что работает Виктор Иванович заместителем директора в Покровской средней школе Свердловской области.

— Нет, я к учебному процессу никакого отношения не имею, — сразу пресёк Виктор Иванович мои вопросы. — Я отвечаю за производство. Какое у школы производство? Большое. Я ведь ветеринар по профессии. В школе разводим кроликов для продажи. Заметьте, племенных кроликов, отборных. Я за пуховыми, к примеру, охотился не один год. Ездил за ними аж во Владимир. Для чего разводим? Продаём, покупают у нас охотно. Ребятишкам, правда, жалко расставаться с ними. Привыкают, у каждого кролика своя кличка. Потому ни о каком разведении на мясо речи быть не может. Надо понимать детей, щадить их. Спрашиваете, как я в школе оказался? Колхоз развалился, пьянство да воровство теперь там одно... Тяжело... А в школу пригласил директор, мол, что маешься, налаживай тут хозяйство. С детьми я ожил. Завели живность, землю обихаживаем, додумались *до своего производства*. Жена надоумила, она у меня учительница по профессии, а по призванию вязальщица искусная. Ночами готова сидеть. Купили в школу на заработанные деньги несколько вязальных машин. Мальчишки и то интересуются, модели всякие выдумывают, а о девочках и говорить нечего — такие мастерицы. Заказы к нам стали поступать. «Обвязываем» детские сады. Вот приеду и сразу повезу партию готовых детских костюмчиков в Нижневартовск. Заказ солидный от гороно. Деньги нам перечисляют на спецсчёт школы. Выдаём зарплату детям. Зарабатывают хорошо. А как же! Им надо копить для дальнейшей учёбы. Ведь нынче без денег вуз не осилить. Кончилось бесплатное образование. У меня два сына в вузах учатся, а третий «чеснок» сидит в седьмом. Так вот, кроме школьных денег, старший ещё и дома «подрабатывал». Растил свиней на продажу. Конечно, не без нашей помощи. Но уход за ними, кормёжка, уборка — всё сам. Тысяч десять заработал. Второй сын — ботаник — выращивал капусту. Тоже тысяч пять дохода получил...»⁶.

---

⁶ Семёнова Надежда. Мужики и капуста, или Кто как становится «мешочником» // Учительская газета, 2002. 15 янв.

Да не бойтесь вы этого пугала, «государственного образовательного стандарта»! Разве вязание и капуста, которые им по нутру, хуже алгебры или «Войны и мира»? Не тряситесь от страха перед наркомпросовскими догматиками. А если попробуют снять с работы — забастовка всем коллективом, включая детей и родителей. Как в Аргентине: за две недели пять президентов сняли. И вы уволите любого, кто мешает нормально работать, воспитывать по

Макаренко. Даже не сомневайтесь. Если встанете горой, любой чиновник, вплоть до Москвы, тут же испугается и подаст в отставку.

В 1934 году, т.е. после того как были получены бесспорные доказательства, что, «обманув» «государственный образовательный стандарт», он не ошибся, Макаренко решает явиться с «повинной»: а вдруг поймут и легализуют. Он подаёт «Объяснительную записку к проекту организации трудового детского корпуса», которую разработал ещё в 1927 году. Вы только посмотрите, как в этой «Записке» Макаренко выкладывает своё видение *природосообразного обучения*. Опять *вынужден* цитировать, чтобы было видно: перед вами действительно *Макаренко*, а не сработанный «инноваторами» сталинский монстр. Макаренко такой, каким его до сих пор на самом деле никто не знает и не скоро узнает: «Само собой разумеется, что в более крупном производстве всегда найдутся отделы, где будет получаться *не стандартная* квалификация. Только крупное производство может подготовить, с одной стороны, и токаря и револьверщика массовой продукции, но, с другой стороны, и высокой квалификации слесаря-инструментальщика, или лекальщика, или модельщика.

Такая колония должна обладать и *школой на разные вкусы и способности*. Беспризорная масса даёт очень *разнообразный* букет личных качеств. Многим нужно будет дать в прибавку к *квалификации* только обычную грамотность — не больше, как за четыре группы, другим — грамотность семилетки или фабзавуча, третьим знания специального техникума, четвёртым общее среднее образование, может быть, даже *без всякой квалификации с установкой на вуз*⁷.

---

⁷ Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 7. М., 1958. С. 444.

А теперь всё внимание: «Это всё чрезвычайно серьёзные вещи, и всё это требует соответствующих организационных выводов. Ясно, что в маленькой колонии нельзя удовлетворить все эти *наклонности и вкусы* случайно собранных ребят. Это порождает не только побег, а гораздо более тяжёлые последствия — *конфликты, разочарования, гибель характеров, подавленность, подозрительность, скрытые и открытые протесты, воровство, пьянство, хулиганство*⁸».

---

⁸ Там же.

Как видим, яснее некуда. Полное совпадение с аксиомами Коменского, Локка, Песталлоцци, Дистервега и Ушинского. Кстати говоря, именно Дистервег и произвёл на свет, возможно, самый глубокий педагогический афоризм: «Счастлив тот, кого судьба привела к тому, к чему *предназначила его природа*. Счастлив он сам, счастливо через него и всё *человечество*⁹».

---

⁹ Дистервег А. Избр. пед. соч. М., 1956. С. 311.

Этим же был озабочен и Макаренко. Гнетущее ощущение *неустроенности*, чувство «*лишнего человека*», разрушительное переживание *невостребованности* были постоянной мишенью его *собственно воспитания*. Благодаря тому, что «государственный образовательный стандарт» был нейтрализован, все воспитанники, особенно в коммуне, где всепроникающая система «клубной работы» почти без усилий выявляла врождённые способности, ещё до вуза или техникума, до цеха на сложном предприятии или до службы в армии, дети досыта вкушали ни с чем не сравнимую радость труда по призванию. А в итоге получалось почти как в нынешней американской школе: образование получали все, но каждый *своё*. Никаких перегрузок, страхов и нервотрёпки.

Преимственность с вузами тоже вставала с головы на ноги. Те, кто собирался в них поступать, занимались как раз теми предметами, которые надо было сдавать на приёмных экзаменах (остальные — по Коменскому: для общего кругозора). Что касается *собственно воспитания* — физическая закалка, характер, привычки, нравственность, дисциплина, культура общения, — то над этим непрерывно и с невероятным эффектом трудился легендарный *коллектив*, а точнее, его *структура*, которая, как было показано, создавалась по особым «технологическим чертежам» и которая не имеет ничего общего со стандартной структурой

наркомпросовского розлива.

Щедро одарённый *здравомыслием*, Макаренко не мог, конечно, принимать всерьёз «психологические» фокусы Выготского вроде обучения, которое «забегает вперёд развитию», «психологических новообразований», «зоны ближайшего развития» и т.п., из которых выйдут потом фокусы попроще, но не менее вредоносные («развивающее обучение», «обучение на высоком уровне трудности», «оптимизация» и др.). В «школьной работе» он следовал за своими великими предшественниками, установку которых он живописно перефразировал в «Педагогической поэме»: «В мире *беспризорных*, как и в мире *учёных*, «первого сорта» очень мало, немного больше «второго», а подавляющее большинство — «третий сорт»: подавляющее большинство никуда не бежит и *ничего не ищет*, а простодушно подставляет нежные лепестки своих детских душ организующему влиянию соцвоса»¹⁰.

---

¹⁰ Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 1. М., 1957. С. 470.

Справедливости ради нельзя не отметить, что от «государственного образовательного стандарта» болит голова не только в низах, но и в верхах тоже. Иначе чем объяснить, что «обмануть» стандарт пытался и Геннадий Ягодин, бывший председатель Государственного комитета СССР по народному образованию? 16 декабря 1988 г. он подписал приказ № 540, разрешающий переводить и выпускать из 8-х и 10-х (11-х) классов «не освоивших один-три предмета», а в случае, если «неосвоившие» не пересдадут осенью на «трояк», записывать в свидетельство о неполном среднем образовании и в аттестате зрелости, что выпускник эти предметы «прослушал». Кажется, прямо списал у Макаренко, но почему же не сработало? Приказ-то пришлось отменить.

Консультантам председателя, прежде чем бухнуть в колокола, заглянуть бы в сочинения Макаренко, но где там: сами не лыком шиты. У Макаренко «неосвоивший 1–3 предмета» *уже* обнаружил врождённые способности в усвоении других предметов, нашёл своё призвание в системе клубной работы, определился профессионально (такой «двоечник» — лучшая *награда* учительскому труду!), а у председателя нет и намёка на такую диалектику. Поэтому у Макаренко *подлинный* гуманизм, а у председателя, как обычно, гуманизм *видимый*. «Двоечники» Макаренко с упоением налегали на «любимые» предметы, а «двоечники» председателя вообще перестали учиться.

Никто не спорит: ребёнку, который на уроке падает в голодный обморок, который дышит отравленным воздухом и пьёт отравленную воду, который живёт не в доме, а в «жилье» (всё это — реальные «достижения» оголтелых «строителей светлого будущего!»), не до учёбы. Но не всегда же Россия была мусорной свалкой и не всегда детям нечего было есть и негде жить. В последней четверти XIX века и у нас природа была, как в Новой Зеландии, гимназисты вволю питались, не дышали отравой, могли без риска пить из любой «лужи», делали домашние задания в натопленной, сухой, чистой и просторной персональной комнате, мать сидела дома, а не укладывала шпалы и не асфальтировала проспекты, не пила горькую, не принимала на дому каждый день разных хахалей. Казалось бы, ничто и никому не мешало ходить в «отличниках учёбы». Но не тут-то было.

В 1873 году в 63 российские гимназии были приняты 57917 неоперившихся охотников за знаниями. Спустя 7 лет, до финиша, отдав последние силы, кое как дотянули 6511 выжатых, как лимон, тщедушных юношей. Потери в пути — 51406 человек! 90 процентов! Эту статистику приводит и комментирует известный публицист и социолог, народоволец С.М. Степняк-Кравчинский. Все, кому не повезло, «либо не выдержали испытаний и были исключены, либо, *отчаявшись*, отказались от попытки продолжать учение»¹¹.

---

¹¹ Степняк-Кравчинский С.М. Россия под властью царей. М., 1956. С. 268.

Далее четыре действия арифметики и вывод: «Для ученика первого класса шансы пройти все классы и поступить в университет составляют девять к одному, это значит, что восемь девяток отпадают. Из второго класса три четверти учеников терпят неудачу, из третьего — две трети, а из тех немногих избранных, что невредимо прошли сквозь строй и достигли

седьмого класса, четвёртая часть проваливается на выпускных экзаменах. Эти цифры весьма красноречивы. Подобная система — не проверка *способностей*, а просто избивание младенцев»¹².

---

¹² Там же. С. 269.

Детектив, да и только, особенно если иметь в виду, что учебники гимназистов в отличие от нынешних были вдвое тоньше, а их авторы умели писать по-русски. Неужели все, кто отсеялся, — *девять десятых*, чёрт побери! — были дурачками или несли в себе «глубокую задержку в развитии»? Да нет, разумеется. Дети были такими же, как нынешние. Но таким же, как нынешний, был и «государственный образовательный стандарт». Вот вам и весь секрет. И тогдашние дети не могли, и нынешние не могут учиться одному и тому же. Не могут из-за *генной программы*, которая готова сотрудничать с генными инженерами, но смеётся над потугами «научных психологов», «научных философов» и «научных дидактов».

У Минобраз и АПН-РАО один ответ: но у нас-то все первоклассники доходят до аттестата зрелости! Позвольте и мне посмеяться: разве не очевидно, что реального аттестата зрелости заслуживают 1–2 отличника, да и те с надорванным здоровьем. Остальным надо выдавать совершенно другой документ. Как бы его назвать поточнее? Вот, нашёл: «аттестат незрелости» первой, второй и так далее степеней.

Собственно воспитание и школьное здание

Все цели *собственно воспитания*, включая такую, как *привычка* ставить *общие* интересы впереди *личных*, т.е. на каждом шагу выказывать *главное* достоинство Homo sapiens, достигаются исключительно *тренингом, упражнениями*, если хотите, «*дрессурой*» до тех пор, пока в *подсознании* не сформируется несокрушимый *рефлекс* гражданского поведения и гражданских поступков, пока этот рефлекс *силой* не подавит последний росток оголтелой шкурности. И только тогда придёт избавление от повального воровства, продажности и всепроникающей коррупции, от сращивания государства с бандитизмом.

Продвигаясь к этой цели методом проб и ошибок, Макаренко обнаружил строгую закономерность, а скорее — один из законов *собственно воспитания*. Этот закон проявляется в том, что от интересов отдельного человека к интересам общества *прямого*, непосредственного перехода нет. Тут даже тренинг бессилён. Переход может происходить лишь по схеме: воспитанник — первичный коллектив — целый коллектив — общество. Другими словами, воспитанник должен сначала *привыкнуть* отдавать предпочтение интересам *первичного коллектива*, затем интересам *целого коллектива* и лишь после этого он *привыкнет* к предпочтению интересов *общества*.

Открытие этого закона далось Макаренко нелегко: «Переход от коллективного воздействия, от организации коллектива к личности, к организации личности особым способом мною в первые годы моего опыта был понят *ошибочно*. Я полагал, что нужно иметь в виду воздействие на *целый* коллектив, во-первых, и воздействие на отдельную личность как корректив к развитию коллектива — во-вторых.

В развитии моего опыта я пришёл к глубокому убеждению, которое было потом подтверждено практикой, что *непосредственного* перехода от *целого* коллектива к личности нет, а есть переход через *посредство* первичного коллектива, *специально* организованного в педагогических целях»¹³. Переверните ход этих рассуждений, и вы получите то, о чём я написал выше.

---

¹³ Макаренко А.С. Соч.: В 7 т. Т. 5. М., 1958. С. 163–164.

Как создаётся *первичный* коллектив и для чего он нужен, мы уже знаем. Исходная предпосылка — количество детей разного возраста в пределах от 7 до 15 человек. А каким должно быть количество детей, чтобы сплотить их в *целый* коллектив? Макаренко называет разные цифры, но подчёркивает, что «последние годы» в коммуне имени Ф.Э. Дзержинского

было 600 человек и что это был предел¹⁴.

---

¹⁴ См.: Там же. С. 439; 452.

О том, какое значение имеет количество детей в школе для создания в ней коллектива, Макаренко пишет в другом месте: «Как правило, коллектив учащихся школы не должен превышать *тысячи*. Школы-гиганты следовало бы *разукрупнить*, чтобы каждая имела *свое* *лицо*, чтобы дети были *знакомы* друг с другом, чтобы учителя *узнавали* в коридоре тех, кого они воспитывают, чтобы *весь* школьный коллектив дружески *общался* на школьных праздниках, на литературно-художественных вечерах, в кружках, чтобы крепла дружба и уважение друг к другу в совместной творческой работе *всего* коллектива. *Только* создав единый школьный коллектив, можно разбудить в детском сознании могущественную силу *общественного мнения* как регулирующего и дисциплинирующего воспитательного фактора»¹⁵.

---

¹⁵ Там же. С. 397.

Чтобы прийти к более строгому определению, какое количество детей является предельным для создания коллектива, я прежде всего заглянул в историю школы. То, что я там нашёл, не оставляет сомнения, что 600 человек и есть верхняя граница, позволяющая строить коллектив. «Дом радости» Витторино да Фельтре (1378–1446), «Итон», «Харроу», «Шульпфорте», «Сандгертская военная коллегия», «Ивердонский институт» Песталоцци (1746–1827), «Филантропин» Базедова (1724–1840), школа Фелленберга (1771–1844), «Новый институт для образования характера» Роберта Оуэна (1771–1858), Царскосельский лицей, школа-интернат Сесила Редди (1858–1932), лесная школа Густава Вюникена (1875–?), колония имени Горького и коммуна имени Ф.Э. Дзержинского, другие воспитательные учреждения, попавшие на скрижали педагогической науки, *никогда* не имели большего количества детей, чем 500–600! В «Новом институте» Р.Оуэна было 701 человек, но с детским садом. Школа-гигант на скрижaliaх не обнаружена, и есть все основания полагать, что никогда не обнаружится.

Вполне определённое заключение дал и Ушинский: «Обширность и многолюдство учебного заведения никогда не должны превышать пределов возможности личного наблюдения и влияния главного воспитателя (т.е. директора школы. — В.К.). С утверждением духа заведения пределы его могут расширяться; но опаснее всего для заведения, если в нём набито столько воспитанников, что наблюдение за ними (а иногда даже и самое знание их имён) становится для главного воспитателя невозможным. Тогда поневоле он должен положиться на других, которые, в свою очередь, предоставят это наблюдение третьим, и в школьную жизнь начнут вливаться со всех сторон разнородные элементы, с которыми не в состоянии уже будет справиться главный воспитатель и поневоле перестанет вести заведение: оно само поведёт его за собой»¹⁶.

---

¹⁶ Ушинский К.Д. Избр. пед. соч.: В 2 т. Т. 1. М., 1974. С. 48.

Эту *природосообразную* закономерность отмечают и *опытные* специалисты нашего времени. В 60-х годах в стране развернулось строительство школ-гигантов на две, три и даже на четыре тысячи учащихся. Логика вдохновителей этой кампании поражает примитивностью: раз в микрорайонах стоят большие дома, то и школы должны не отставать, маленькие здания не смотрятся в окружении многоэтажек. Попробуйте вообразить, что заводские цеха какого-нибудь предприятия приспособляются не к технологии производства, а к «великорослости» или «низкорослости» жилых кварталов. Чужь собачья. Но раз АПН-РАО не возражает (а как она будет возражать, если понятия не имеет о *собственно воспитании*), значит, можно.

Как и следовало ожидать, головотяпство АПН-РАО очень скоро полезло из всех щелей. Бывший заведующий Ленинградским горно П.Пшебильский опубликовал в «Известиях» статью «Как строить школы?». В ней говорилось, что мнение АПН СССР о безвредности школ-гигантов ни на чём не основано. Педагоги крупных школ, врачи-гигиенисты категори-

чески против укрупнения школьных зданий. В них дети чаще болеют, возрастает детский травматизм, возникают большие проблемы с отдыхом во время перемен. Но главное, крупные школы не могут стать базой для создания *коллектива*¹⁷. В этой статье П. Пшебильский приводит заключение известного школьного директора, педагога-учёного и писателя Константина Ерофеевича Гапоненко (8-я средняя школа города Холмска Сахалинской области): «Практика показывает, что две школы по 640 мест лучше справляются с задачами, возложенными на них, чем одна на 1200 мест. В этом нас убеждает пример нашей же школы. Имея 1700 учеников, мы, несмотря на все старания, *никак не можем создать единый ученический коллектив*»¹⁸.

---

¹⁷ См.: Пшебильский П. Как строить школы // Известия, 1967, 26 мая.

¹⁸ Там же.

Спустя четыре года газета «Труд» опубликовала отчёт о командировке в Тольятти (Автоград, высотой в 24 этажа) собственного корреспондента и заведующего сектором школоведения АПН СССР. Поводом для поездки явилось письмо автоградского жителя, который с гордостью сообщал, что у них построена самая большая школа в стране: одних детей — 2500 человек! Столичных гостей встречал директор школы Пётр Павлович Богатырёв. Он огорчился прямо с порога: «Школа трудноуправляема!» И расшифровал: «Зайду в корпус младших классов, со мной здороваются, а я силюсь вспомнить, кто же это: то ли наша новая учительница, то ли молоденькая мамаша одного из учеников, то ли старшеклассница-пионервожатая...»¹⁹.

---

¹⁹ Мигунов А., Грингаут Е. Нужны ли школы-гиганты? // Труд, 1971, 21 марта.

Полную потерянность в бесчисленных анфиладах «дворца» Пётр Павлович ощущал особенно остро, потому что до «повышения» работал в других условиях: «Там я знал каждого ученика не только в лицо, характер каждого знал, склонности, увлечения...» Оценивая свой прежний опыт, опыт других директоров, П.П. Богатырёв почти дословно повторяет Ушинского и Макаренко: «*Коллектив в 600–700 учеников принято называть «педагогически обозримым». Не страшно, как показывает опыт, если директор не знает трети учеников. Но при дальнейшем уменьшении относительного числа известных ему учащихся он начинает утрачивать объективное представление о ходе педагогического процесса в школе*»²⁰.

---

²⁰ Там же.

В 1972–1973 гг. дискуссию о школьном доме подхватила «Вечерняя Москва». В защиту школ-гигантов выступили архитекторы из Центрального НИИ экспериментального проектирования и Московского НИИ типового и экспериментального проектирования. Логика их доводов была та же самая: большие дома — большие школы. Педагоги, врачи и просто родители не оставили от этой «логики» камня на камне. Одна из подборок читательских откликов вышла с подзаголовком: «Педагоги исправляют ошибки архитекторов»²¹. В числе этих педагогов был и ваш покорный слуга. Я повторял то, о чём говорил и много раньше, имея на руках своё «Педагогическое обоснование школы-комплекса типа «Антон Макаренко».

---

²¹ См.: Вечерняя Москва, 1972, 25 февр.

Идею школы-комплекса подхватили другие участники дискуссии. Доктор медицинских наук В. Андрианов, например, писал: «Архитектор К. Френкель высказывает опасение, что школа-комплекс, объединяющая функции внешкольных учреждений, может превратиться в детский городок. На мой взгляд, такую перспективу можно было бы только приветствовать. В самом деле, разве это плохо, если в центре микрорайона, подобно оазису, раскинется парк, в котором разместятся комплекс школьных зданий, бассейн, стадион, библиотека?

Представляю, с каким удовольствием и взрослые жители микрорайона будут тянуться к своему школьно-культурному центру. Школьные команды на своём стадионе проводят первенство. Среди зрителей — папы и мамы, младшие братья и сёстры. Это ли не способ сбли-

жения школы и общественности?»²²

---

²² Андрианов В. Точка зрения врача // Вечерняя Москва, 1972, 25 февр.

Когда даже слепому стало видно, что школа-гигант *объективно* не может не производить огромное количество *воспитательного* брака, взял слово и тогдашний министр просвещения СССР М.Прокофьев: «Многоэтажное строительство в городах, увеличение численности городского населения выдвигает проблему организации всё более крупных школ с численностью учащихся 2,5 тысячи и более. Но вот проблема — чрезмерно большой школой трудно руководить. Нам предстоит научно определить оптимальный размер школы в городе»²³.

---

²³ Прокофьев М. Большой всеобуч // Известия, 1976, 8 июля.

Это было не только признание несостоятельности школ-гигантов, но директивой для АПН: найдите же в конце концов выход из положения! АПН не шелохнулась: не идти же против собственной инициативы!

21 июня 1985 г. газета «Труд», редакция которой продолжала следить за перипетиями борьбы против гигантомании, опубликовала мою статью «Школа-гигант. Зачем?». Статью заметили в Госгражданстрое СССР. Меня пригласили на коллегию. Я ещё раз доложил о том, от какой печки надо плясать при проектировании и строительстве школьного здания, о том, какую роль оно играет в «*собственно воспитании*». Коллегия поддержала мои доводы, о чём официально уведомила редакцию газеты: «Редакция получила ответ из Государственного комитета по гражданскому строительству и архитектуре при Госстрое СССР. Зам. начальника управления по строительству общественных зданий и сооружений Р.Упмал сообщает, что Госгражданстрой с большим удовлетворением встретил выступление газеты, считая перспективным направлением школьного строительства создание комплексов»²⁴.

---

²⁴ Кумарин В. Школа-гигант. Зачем? // Труд, 1985, 10 августа.

У АПН СССР, которая заказывала музыку, руководствуясь концепцией «воспитывающего обучения» (обучать можно в «школе», рассчитанной хоть на миллион человек, но если убеждён, что обучение может попутно решать и воспитательные задачи, то к чему лишняя головная боль), появилась возможность пересмотреть своё отношение к проблемам «*собственно воспитания*». Но сильнее, чем забота о детях, и на этот раз оказались невежество и традиционное высокомерие: мы тут академики, а ваш Макаренко не дотянул даже до высшего образования. Гигантоманию, вместо того чтобы вырвать «с корнем», пустили в рост чуть ли не как ВПК.

В той же статье я коротко рассказал об одном из своих экспериментов, который мне удалось провести на Украине, когда я работал там в республиканском НИИ педагогики при умнейшем директоре Николае Дмитриевиче Ярмаченко. Заведующая отделом народного образования города Комсомольска Полтавской области Лидия Ивановна Бугаевская сама проявила инициативу. Под свою ответственность она «уломала» и секретаря горкома, и председателя исполкома, и заместителя министра просвещения Украины по науке. Мне и директору школы № 3 Василию Дмитриевичу Масному разрешили переделать типовой гигант на 1600 учащихся в школу-комплекс. К счастью, ломать стены или строить новые не нужно. Здание изначально разделялось на три одинаковых блока (для начальных, средних и старших классов), не изолированных друг от друга. Этот проект я до сих пор считаю самым удачным из тех, которые мне довелось повидать.

Поступили мы просто. Пересортировали (отделять младших от старших — глупость) классы в каждом из блоков и получили *три* средние школы с полным набором всех возрастов, от первоклассников до выпускников. Всех трёх завучей поставили директорами, организаторов внеклассной и внешкольной воспитательной работы — завучами, а сам директор Василий Дмитриевич стал административным директором. Лишних денег не понадобилось.

Первичные коллективы — разновозрастные отряды — создали по месту жительства, т.е. как у Макаренко, по бытовому признаку. Командиров просто назначили — выбирать было

рано, потому что, живя своим классом, дети, в масштабах школы, друг друга просто не знали. «Командовать», разумеется, никто не умел — за десять лет привыкли только подчиняться классному руководителю, учителям, завучам, директору. Пришлось взрослых «начальников» прикреплять «комиссарами» — один «начальник» (классный руководитель) на три отряда. Конечно, все успели проникнуться замыслом на моих семинарах, открыли для себя совершенно другого Макаренко, увлеклись. Прошло две-три недели, и дело пошло!

На первых порах главной задачей был надзор (хорошее слово, лучше, чем безнадзорность!). Важность этой задачи поняли и командиры, а интересная педагогическая игра их просто захватывала. На глазах рождалось разновозрастное братство. Самый маленький перестал бояться, что во дворе его могут отлупить, отобрать все копейки на школьный обед или просто вlepить затрецину. Каждый чувствовал, что защита рядом, а защитники, даже из числа бывших насильников, ходили гоголем и с гордостью докладывали на утренних рапортах (обязательно директору), что за прошедшие сутки в их отряде не было никаких «ЧП». Случалось и, к сожалению, нередко, что папа с мамой после совместного подпития устраивали в доме трам-тарарам, ребёнок вырывался из квартиры и бежал к командиру. Там ему вытирали слёзы и сопли, успокаивали чаем и оставляли на ночлег (сейчас придумали «социальных педагогов», чтобы была ещё одна министерская иллюзия).

За какой-нибудь месяц, что мы расценили как чудо, скукожился бытовой вандализм, хотя до этого было, как в Москве: испражнялись в подъездах, били стёкла, расстреливали электрические лампы, бомбили телефонные аппараты, выворачивали почтовые ящики, крушили лифты, вышибали двери, а настенная живопись была настолько откровенной, что ею можно было иллюстрировать новейшее пособие по порнографии. Много было и другого, но обо всём не расскажешь.

Финал оказался непредвиденным и очень для всех печальным. Увлёкшись «*собственно воспитанием*», очень похожим на подлинную жизнь, дети ослабили внимание к домашним заданиям и снизили средний процент успеваемости, святая святых «школы муштры и зубрёжки». «Государственный образовательный стандарт» буквально раздавил наш энтузиазм. Он, конечно же, оказался важнее, чем коренные перемены в образе жизни детей, чем все рыцарские добродетели: дружба и братство, защита слабых, совместный и крутой отпор *дедовщине*, рэкету, вольному отношению к девочкам-подросткам, бытовому вандализму, токсикомании (так тогда именовалась наркомания), сквернословию, попыткам втянуть мальчишек в пьяную компанию и отлучить от коллектива. Василий Дмитриевич защитил с горя кандидатскую диссертацию и уехал в Умань заведовать кафедрой педагогики. Новый директор подчинился приказу, и школа-комплекс опять стала школой-гигантом.

До сих пор не могу забыть письмо двадцатилетней давности, которое написал из Латвии учитель Балдонской средней школы А.Гусев. Когда я читал его, мне казалось, что это про нас, про судьбу нашего эксперимента: «Учитель всегда за что-нибудь борется: за высокую успеваемость, за сознательную дисциплину, за стопроцентную успеваемость. А как обстоит дело с «высокими показателями» мужества, доброты, рыцарства, благородства, честности? Как это ни парадоксально, учитель зачастую не знает, *каков* же на самом деле его ученик: храбрый или трус, подлый или благородный, упорный или безвольный»²⁵.

---

²⁵ Гусев А. Добрый рыцарь в королевстве кривых зеркал // Учительская газета, 1978, 2 марта.

Ещё большим парадоксом *учителю* Гусеву, а не министру просвещения или президенту АПН-РАО представлялось то, что и сами дети ничего не знают о своём *характере*. Да и как об этом узнать, задавался *учитель* вопросом, если о храбрости, честности, благородстве можно судить не по речам на диспутах «о смысле жизни», а по делам, поступкам, поведению в разных житейских ситуациях²⁶.

---

²⁶ См.: Там же.

Неужели у нас никогда не будет министра с *таким* мышлением и президента с *таким* знанием педагогики, которое он мог бы победно противопоставить напору «научных психо-

логов», «научных дидактов», «научных философов образования»?